

«Вы пишете так приветливо и ласково, что я как будто увидел Вас снова перед собою. Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к Вам, и Бог знает, как это сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! Вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Вали-хан, да если б на эту тему написать 10 книг, то ничего не напишешь: чувство и влечение дело необъяснимое. Когда мы простились с Вами из возка, нам всем было грустно после целый день. Мы всю дорогу вспоминали о Вас и взапуски хвалили. Чудо как хорошо было бы, если б Вам можно было с нами поехать!» (Отрывок из письма Ф.М. Достоевского от 14 декабря 1856 года, посланного из Семипалатинска).

Кому же адресованы эти слова, полные дружеской нежности и печали из-за расставания? Кого успел так сильно полюбить ссыльный писатель, совсем недавно отбывший срок каторги? Адресат известен — Чокан Валиханов, первый казахский ученый и просветитель, будущий исследователь Востока. В том 1856 году ему было чуть больше двадцати лет. Но он уже окончил Сибирский кадетский корпус в Омске и служил адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Г.Г. Гасфорта, занимая одновременно должность офице-

ра по особым поручениям Главного управления края (в который тогда входила и почти вся территория нынешнего Казахстана).

Знакомство Достоевского с Валихановым, их отношения, перешедшие в крепкую дружбу, стали по сути первым интеллектуальным и духовным контактом между русским и казахским народом, между Россией и Степью. Этим они значительны, этим интересны и нам в XXI веке.

* * *

При имени Чокана Валиханова вспоминается мне солнечный майский день далекого теперь 1964 года. Нас, девятиклассников Аманкарагайской средней школы, повезли километров за семьдесят на экскурсию в аул Кунтимес, и там в цветущей степи под неумолчное пенье жаворонков учитель казахского языка и литературы (к сожалению, забыл его имя) рассказывал нам о знаменитом уроженце этих мест. Здесь, в Аманкарагайском округе (ныне Сарыкольский район Костанайской области), на зимовке султана Чингиса Валиханова родился в ноябре 1835 года будущий просветитель своего народа. Так что имею некоторое основание считаться его земляком.

При рождении мальчика назвали Мухаммед-Канафия. Однако мусульманское имя вскоре потеснило придуманное родителями шутивное прозвище — Чокан. В детстве он учился здесь же, в орде Кунтимес, где получил начальные знания казахского, кыпшак-чагатайского, арабского и персидского языков. Осенью 1847 года 12-летний Чокан, оставив родную степь, отправился с отцом на учебу в Омск. Русские друзья Чингиса Валиханова помогли ему устроить сына в Сибирский кадетский корпус, считавшийся одним из лучших учебных заведений того времени. Из него вышли многие выдающиеся общественные и военные деятели России, ученые и публицисты. Чокан поступил в кадетский корпус не зная русского, но благодаря незаурядным способностям легко и быстро освоил язык. Здесь он на всю жизнь подружился с Г.Н. Потаниным, ставшим впоследствии выдающимся путешественником и исследователем Сибири, Казахстана, Монголии и Центральной Азии. А в Омске в доме военного инженера К.И. Иванова произошло в начале 1854 года знакомство Валиханова с каторжанином Достоевским.

Весной 1854 года Федор Михайлович был отправлен из Омска на бессрочную солдатскую службу в Семипалатинск, в 7-й линейный батальон Сибирского казачьего войска. Сколь ни старались омские друзья, они не смогли освободить писателя от солдатской лямки. И это несмотря на засвидетельствованную медиками эпилепсию.

Этапный путь из Омска в Семипалатинск ранней весной по безлесным просторам и берегам Иртыша после четырехлетнего тюремного заключения показался Достоевскому радостным предвестием обновленной жизни. После он рассказывал, что никогда не ощущал себя столь счастливым, как сидя на жестких канатах в дни этого подневольного путешествия с каким-то случайным обозом — «с небом над собою... чистым воздухом кругом и чувством свободы в душе».

27 марта 1854 года Достоевский писал брату Михаилу Михайловичу из Семипалатинска: «Здесь уже начало Киргизской степи. Город довольно большой и людный. Азиатов множество...» Действительно, в городе на Иртыше переселись в то время диарог и караванные тропы со всех четырех концов света. Под евразийской крышей Семипалатинска находили приют русские переселенцы и казахские гуртовщики, татарские муллы и раскольники, политические ссыльные и казаки, дервиши и искатели золотоносных месторождений. На его пыльных улицах оставили следы знаменитые ученые, исследователи Востока и Центральной Азии А. Гумбольдт, П.С. Паллас, Г.С. Карелин, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Г.Н. Потанин, Н.М. Пржевальский, А.И. Шренк, М.И. Венюков и многие другие.

Вскоре начальство разрешило Достоевскому жить не в казарме, а на отдельной

квартиры. Он поселился вблизи своего батальона среди поросших колючками зыбучих песков в полутемной и закопченной избе вдовы-солдатки. Главное — недавний арестант получил возможность читать и писать, мог вернуться к литературному труду. Несмотря на солдатские обязанности, Федор Михайлович с жадностью набросился на книги. Он умоляет брата прислать ему европейских историков, экономистов, книги святых отцов и древних авторов, Коран, Канта и Гегеля, физику, физиологию, даже немецкий словарь. Просит сообщить ему, кто такой Л.Т., напечатавший в «Современнике» повесть «Отрочество». Запойно читает Тургенева, Островского, Писемского, Тютчева, Майкова...

С осени 1854 года положение Достоевского стало меняться к лучшему. В ноябре в Семипалатинск прибыл на службу областным прокурором барон А.Е. Врангель. Это был совсем молодой человек, недавно лишь окончивший лицей и решивший по своей страсти к путешествиям принять службу в дальних азиатских владениях. Несмотря на юность, Александр Егорович хорошо знал и высоко ценил творчество Достоевского, сокрушался о драматической судьбе писателя. На другой же день по приезду в Семипалатинск прокурор послал писателю записку с просьбой зайти к нему вечером.

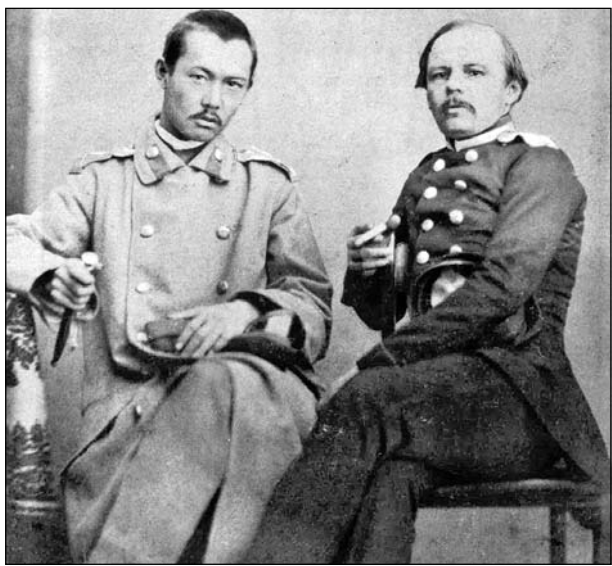
Позднее А.Е. Врангель вспоминал в своих мемуарах: «Достоевский не знал, кто и почему его зовут, и, войдя ко мне, был крайне сдержан. Он был в солдатской серой шинели, с красным стоячим воротником и красными же погонами, угрюм, с болезненно-бледным лицом, покрытым веснушками. Светло-русые волосы были коротко острижены, ростом он был выше среднего. Пристально оглядывая меня своими умными, серо-синими глазами, казалось, он старался заглянуть мне в душу, — что, мол, я за человек? Он признался мне впоследствии, что был очень озабочен, когда посланный мой сказал ему, что его зовут “господин стряпчий уголовных дел”. Но когда я извинился, что не сам первый пришел к нему, передал ему письма, посылки и поклонны и сердечно разговорился с ним, он сразу изменился, повеселел и стал доверчив. Часто после он говорил мне, что, уходя в этот вечер к себе домой, он инстинктивно почуял, что во мне он найдет искреннего друга».

Дружба с областным прокурором много значила в жизни «бессрочного солдата линейных войск» — он начинает запросто бывать в высших кругах семипалатинского общества, у батальонного командира Велихова, у судьи Пешехонова, даже у военного губернатора Спиридонова. Врангель познакомил Достоевского со своими друзьями-офицерами, возил его с собой в казахские аулы и на серебряные рудники. Семипалатинский край богат чудесными ландшафтами — безбрежными степями с ковылем и полынью, водными просторами широкого Иртыша, сосновыми борами, глубокими озерами. А Кольванский водоем среди ущелий и утесов Гумбольдт, изъездивший весь свет, признал красивейшим в мире. На лето друзья поселились вместе на единственной загородной даче «Казаков сад», принадлежавшей богатому местному купцу-казаку. Достоевский начал здесь работу над повестью «Записки из Мертвого дома» и читал Врангелю только что написанные главы.

В Семипалатинске Достоевскому довелось заново встретиться с Валихановым (спустя год после знакомства в Омске). Летом 1855 года генерал Гасфорт отправился в инспекцию в недавно образованную в составе Западно-Сибирской губернии область. В поездку отправилась большая свита; адъютанту Валиханову досталась обязанность толмача.

Семипалатинская крепость встречала генерал-губернатора пушечным салютом. Чокан разглядывал расположенный на противоположном берегу широкой реки город. Заметил, что мечетей в нем было больше, чем церквей. Недавно Семипалатинск получил городской герб с изображением золотого верблюда, полумесяца и пятиугольной звезды. Символика герба соответствовала тому значению, которое приобрел город на Иртыше в русско-азиатской торговле. Во всех договорах с казахскими ханами (в официальных документах того времени казахов обычно именовали киргизами)

Россия неизменно ставила условие беспрепятственного прохода по Степи любых торговых караванов. При этом в стремлении торговать с Азией российские власти не только не злоупотребляли таможенными пошлинами, но и давали каждому купцу — будь то русский или азиат — казаков для охраны в пути. Однако православным было невыгодно ездить с караванами в среднеазиатские города — там с «неверных» согласно шариату драли вдвое больше зякета (налога), чем с мусульман. Поэтому всю торговлю России с Азией прибрали к своим рукам ташкентцы, бухарцы, татары, осевшие в русских городах-крепостях.

Ч. Валиханов и Ф. Достоевский. Архивное фото

На другой же день Чокан Валиханов поспешил на квартиру местного чиновника Василия Петровича Демчинского, куда был приглашен и Достоевский. Конечно, нельзя определенно сказать, о чем говорили приятели в течение долгой встречи. Думаю, не могли они обойти острую в те дни тему начавшейся Крымской войны, не обсудить послуживший причиной войны Восточный вопрос. Федор Михайлович со времени своего участия в кружке петрашевцев интересовался положением нерусских народов России. Позднее он получил возможность изучить этот вопрос не кабинетно, не в путешествиях, а на тюремных нарах, где встречались представители всех языков и племен империи. Личные впечатления, вынесенные из столь близкого общения с русскими крестьянами, малороссами, кавказцами, поляками, евреями, татарами, во многом определили взгляды Достоевского, повлияли на становление его мысли о всечеловечности русского духа, способного объединять вокруг себя другие национальности. Семипалатинск открыл писателю не книжный, не экзотический, а живой и реальный Восток. В солдатской казарме, прислушиваясь к перелетающим через крепостные стены призывам муэдзинов, Достоевский размышлял о власти веры над душами людей и судьбами народов. Он попросил брата прислать русский перевод Корана и внимательно прочитал его.

Думаю, сильное впечатление на Достоевского должна была произвести патриотическая позиция Валиханова — казахского султана по происхождению и русского офицера по мундиру и должности. В свои двадцать лет сын кочевого племени был весьма образованным человеком, владел европейскими и восточными языками, имел основательные познания в географии, истории, этнографии, фольклористике. Достоевский обрадовался возможности послушать рассказы об исламе, о пророке Мухаммеде, страдавшем, как и он, эпилепсией. В разговорах о Коране и Евангелии, о мусульманстве и православии, несомненно, затрагивалась и важнейшая для обоих проблема взаимодействия и общей судьбы России и Азии.

«Изо всех инородческих племен, входящих в состав Российской Империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем принадлежит нам — киргизам... — писал Валиханов позднее в своей «Записке о судебной реформе». — Киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролю-

бивых и, следовательно, к числу наименее диких инородцев русского царства... Сверх того, мы как потомки батыевских татар связаны с русскими историческим и даже кровным родством. Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности...»

При этом Чокан Валиханов не считал ислам исконным и обязательным для своего народа. Он писал, что ислам непонятно с какой целью насаждается российскими властями. «Киргизы до вступления в русское подданство были мусульманами только по имени и составляли в магометанском мире особый суннитский раскол, — писал он. — Мусульманские законы никогда не были приняты киргизами и были введены в степь путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов. Мы не знаем и не можем понять, что имело в виду русское правительство, утверждая ислам там, где он не был вполне принят самим народом. Апостолом Магомета в Сибирской степи был великий Сперанский, назначавший мулл и предположивший построение мечетей и татарских училищ при окружных приказах... Нас поражает это обстоятельство».

* * *

В декабре того же 1855 года генерал Гасфорт подписал ходатайство перед военным министром о награждении за особенное усердие и неутомимые труды штаб- и оберофицеров Сибирского корпуса. «В числе представляемых заключается между прочим и состоящий... адъютантом корнет султан Валиханов, который, хотя и состоит на службе не более двух лет, но при совершенном знании оной и киргизского языка, а также и местных киргизских обычаев, он, сопровождая меня в киргизскую степь, принес большую пользу... — говорилось в представлении. — Притом же султан Валиханов есть потомок последнего владетельного хана Абылая, поступившего в подданство России, и первый из детей киргизских султанов Сибирского ведомства получил основательное образование в Сибирском кадетском корпусе, поступил на военную службу, а потому в видах поощрения такового полезного начала и развития в киргизах желания к отдаче детей своих в нашу службу и через то большего сближения их с нами... [нахожу] необходимым поощрение Валиханова необходимым, ибо он по происхождению своему пользуется особым между киргизами уважением».

Корнету султану Валиханову по срокам еще не полагалось производство в следующий чин, но благодаря «особому ходатайству» генерал-губернатора он был пожалован чином поручика. Но в чем могла заключаться от него «большая польза»? Думаю, Гасфорт имел в виду прежде всего составленный Валихановым проект управления казахами Большой орды, включавший и обстоятельный обзор положения на русской пограничной линии в Туркестане. Чокан раскрыл в обзоре содержание подстрекательных фирманов (грамот, декретов) турецкого султана, роль английского золота в определении политики Бухары и других магометанских ханств Средней Азии, подчеркнул опасность того, что на среднеазиатские базары, где пока главенствуют русские товары, начинают проникать товары английские — в том числе британское огнестрельное оружие... Читая записку, трудно поверить, что ее автором является молодой корнет, совсем недавно поступивший на службу. За выказанными в ней военными, политическими и экономическими соображениями видится опытный штабист, аналитик, разведчик.

Генерал-губернатор остался доволен запиской своего офицера и отослал ее в Петербург в качестве обоснования просьбы усилить войска Сибирского корпуса и учредить должность правителя Илийского края. Однако в столице дельный и основательный труд положили под сукно, посчитав очередным прожектом самого Гасфорта.

В один из дней декабря Валиханов распечатал привезенный фельдъегерем пакет из военного министерства. В числе прочих бумаг там лежал приказ о производстве Достоевского в унтер-офицеры. Чокан постарался, чтобы радостная весть как можно скорее достигла Семипалатинска.

Весной 1856 года поручик Валиханов получил приказ отправиться в служебную командировку в Илийский край и там, присоединившись к отряду подполковника Хоментовского, принять участие в разборе споров и стычек между родами Старшего жуза, встретиться с киргизскими (казахскими) родоначальниками. Это совпадало с научными планами самого Чокана: он давно мечтал проехаться по территории Старшего жуза и по кочевьям иссык-кульских киргизов, провести там этнографические и исторические исследования. История народов Средней Азии тесно связана с этими местами. Некогда здесь пролегал Великий шелковый путь, процветали торговые города, оседлые жители собирали на поливных землях прекрасный урожай, в горах тюркские племена добывали руду. Через Семиречье добирался в ставку монголов русский князь Ярослав, отец Александра Невского. Его судьба еще в кадетском корпусе волновала воображение Чокана.

В дневниках Валиханова-путешественника ярко отражена сама личность первого казаха, получившего европейское образование, воспринявшего передовые идеи своего времени. Он был лучше, чем многие другие путешественники по Азии, подготовлен для исследования народной жизни, социальных условий и политического устройства азиатских государств. Будучи уроженцем Степи, Валиханов свободно чувствовал себя там, куда русские и европейцы вовсе не получили бы доступа. Знание восточных языков и султанское происхождение делали ему близким и понятным духовный мир восточного человека. Твердой рукой военного топографа Валиханов вычерчивал планы городов, карты местности, схемы перевалов и торговых путей.

В конце октября или в первых числах ноября Чокан вернулся из первого своего путешествия и в Семипалатинске снова остановился у Демчинского. Здесь произошло его знакомство с Петром Петровичем Семеновым, давним петербургским приятелем Достоевского по «пятницам» у Петрашевского. Семенов первым в истории русской науки смог совершить — блистательное по научным результатам — хождение в Азию. За путешествие 1856–57 гг. на Тянь-Шань Семенов и получил полвека спустя почетную приписку к фамилии. Создатель знаменитой школы русских путешественников-исследователей Азии, в русской науке он стал фигурой ломоносовского масштаба. Труды Семенова Русское географическое общество стало значительным явлением российской жизни, сыграло видную роль в истории нашей культуры и общественной мысли, оставило потомкам бесценное научное и литературное наследие. Имя Семенова-Тянь-Шанского окружено именами учеников и сподвижников — Пржевальского, Потанина, Мушкетова, Краснова, Берга, Козлова... и Чокана Валиханова. В 1856 году Семенову еще только 29 лет, он любитель опасных приключений, носит острые кавалерийские усы, одевается то в казачий мундир, то в киргизский костюм, затыкая за пояс пистолеты и геологический молоток.

Итак, Семенов, Валиханов, Достоевский — такая компания собирается в Семипалатинске на квартире у Демчинского. Осенние вечера проходят в нескончаемых разговорах о политике, литературе, своих планах на будущее. Высокий настрой родственных душ ярко выражен в письме Федора Михайловича Чокану, с которого мы начали свой рассказ. В конце ноября друзья разъезжаются кто куда: Достоевский — в Кузнецк, к Марии Дмитриевне Исаевой (в начале следующего года она наконец-то станет его женой); Семенов — в Барнаул по своим делам; Демчинский — с ними обоими за компанию. Валиханов днем позже отправляется на место своей службы в Омск.

5 декабря Чокан пишет Достоевскому из Омска:

«Многоуважаемый Федор Михайлович!

Спешу воспользоваться случаем, чтобы написать Вам это письмо. После Вашего отъезда я только ночевал в Вашем граде и утром на другой день отправился в путь. Вечер этот был для [меня] ужасно скучен. Расстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело.

Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю».

Это одно из четырех известных писем Валиханова, написанных из Омска Достоевскому в Семипалатинск. Переписка их продолжалась в течение шести лет — с декабря 1856-го по октябрь 1862 года. Исследователи уверены, что определенная часть посланий Валиханова и Достоевского безвозвратно утрачена или еще не найдена в архивах.

Ответ Федора Михайловича Валиханову от 14 декабря более содержателен, он написан в доме Демчинского, за тем же столом, и явно продолжает темы семипалатинских бесед. Письмо это как бы подсвечено счастливым состоянием автора — Достоевский только что вернулся из Кузнецка с согласием Марии Дмитриевны на свадьбу. Он сообщает Чокану, что много рассказывал о нем «...одной даме, женщине умной, милой, с душою и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил о Вас так много, что она полюбила Вас, никогда и не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил Вас самыми яркими красками». Ясно, что речь идет о будущей супруге Марии Дмитриевне. И дальше: «...теперь, когда я совершенно один (а действовать надо), — теперь я раскаиваюсь, что не открыл Вам главнейших забот моих и целей моих и всего, что уже с лишком два года томит мое сердце до смерти! Я был бы счастлив».

Достоевский шутливо называет Валиханова «дорогой мой друг, милый Чекан Чингисович» и напоминает ему об обещании приехать весной в Семипалатинск: «...а уже в апреле непременно. Не переменяйте своего намерения». Письмо содержит вопрос: «Съедетесь ли вы с Семеновым и будете ли вместе в Семипалатинске?». Выходит, Достоевский знал о планах Семенова и Валиханова насчет совместного путешествия в глубины Азии. В самом деле, они могли бы отлично дополнять друг друга: Петр Петрович, знаток ботаники, географии, геологии, и «Чекан Чингисович» — востоковед, историк, этнограф, сын этой земли, этого народа, для кого Семиречье все равно что для Семенова Черноземье. Если в Центральную Азию пока могут проникать только купцы-мусульмане, то он, Чокан, со своей безупречно-азиатской внешностью, готов отправиться отсюда, из Семипалатинска, под видом купца с караваном, для начала, скажем, в Кашгар.

Вот почему Достоевский в письме обращается к другу с горячей проповедью: «Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих «Записок» о степном быте, Вашем возрасте там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы конечно знали бы что писать (например, вроде «Джона Теннера» в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Одним словом, и в Омске на Вас смотрели бы иначе. <...> ...не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских. Помните, что Вы первый киргиз — образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце».

Федор Михайлович советует другу с целью дальнейшего образования и развития пожить год в Петербурге, а потом поехать года на два в Европу. Достоевский знает, что родные Чокана делают ставку на его военную карьеру в Омске. Но надеется, что тот сумеет заинтересовать родных возможностями нового, научного поприща.

Это единственное дошедшее до нас письмо Достоевского Валиханову. В феврале 1857 года Федор Михайлович и Мария Дмитриевна обвенчались в Кузнецке. Чокан отправил им поздравление и большую посылку с подарками.

В работах, составленных по материалам экспедиции на Иссык-Куль, Валиханов рассказал об истории и географическом положении киргизов, их нравах и обычаях, о преданиях, песнях и сказках, передаваемых из поколения в поколение, с «невероятной точностью», стремясь опровергнуть распространённое понятие о кочевых племенах как об ордах свирепых дикарей. Воспитанник русского XIX века, Валиханов обосновывал представление об уме и нравственности степняков прежде всего по их литературным памятникам. Как прежде в записках о казахах, он подтверждал существование у кочевников древней культуры, самобытной поэзии. «Нам, русским, особенно непростительно пренебрежение к изучению Средней Азии, нашей соседки», — писал Валиханов. Труд свой он намеревался отправить в Русское географическое общество, «действиям которого по изучению Азии я, как азиатец, не могу не сочувствовать...».

А 15 июля 1857 года в Омск пришло донесение из Кульджи о мятеже против цинского господства. Мятеж был жестоко подавлен. В связи с этим Россия посчитала необходимым вмешаться в ход событий: под предлогом защиты местных мусульман создать в Кашгарии отдельное ханство под своим покровительством. Но прежде чем предпринимать какие-то действия, требовалось тщательно изучить обстановку в этом регионе. Но как это сделать, если Кашгария наглухо закрыта для посещения европейцами? Известно же, что географ Адольф Шлагинтвейт, проникший в Кашгарию годом раньше, поплатился за это жизнью. Было решено послать туда с торговым караваном опытного и надежного человека, но с азиатской внешностью. С подачи Г.Х. Гасфорта и П.П. Семенова выбор пал на поручика Ч. Валиханова. Ему было тогда всего 22 года.

У нас с увлечением читают книги и смотрят фильмы об отважных и предприимчивых английских разведчиках Востока вроде Лоуренса Аравийского или Артура Коннолли. При этом, к сожалению, молодежь наша почти ничего не знает о не менее увлекательных, полных приключений и смертельных опасностей подвигах российских путешественников Яна Виткевича, Петра Козлова, Николая Пржевальского — или героя нашего очерка Чокана Валиханова.

...В конце июня 1858 года с караваном семипалатинского купца Мусабая Тохтабаева выехал в степь молодой купец Алимбай, одетый в восточную одежду и с обритой по местному обычаю головой. К середине августа караван достиг верховий реки Текес и провел там месяц, торгуя с местными киргизами, после чего через перевал Зауку двинулся к границе Кашгарии. Одолеть снежные перевалы Тянь-Шаня в сентябре оказалось делом нелегким. Часть вьючных животных погибла. Несколько раз пришлось отбиваться от разбойничьих шаек. При входе в Кашгар караван по приказу цинских властей был подвергнут тщательному обыску. Дорогу украшали выставленные в особенных клетках головы недавно казненных бунтарей.

Но местные торговцы приняли «купца Алимбая» очень радушно, устраивали для него различные увеселения и по местному обычаю временно женили на девушке-чаукен (так называли временных жен). Все это благоволило ознакомлению с жизнью города и страны. За проведенные здесь полгода Чокан сумел всесторонне изучить Кашгар, его политическое и экономическое устройство, собрать материалы по истории и этнографии народов, населявших эти края с давних времен. Исторические све-

дения он черпал из письменных источников, местных официальных документов и книг, дополняя их рассказами чиновников и купцов.

«В конце января, — пишет Валиханов, — приехали в Кашгар несколько кашгарских купцов из Кульджи и ташкентцев, выехавших из Семипалатинска после нас. Через них распространились слухи, что при караване есть русский агент... Кокандский михтар поручил своему чиновнику, посланному в Кашгар, осмотреть хутор и наших рабочих». Русского, естественно, не нашли. Но оставаться далее в Кашгаре стало опасно. Поэтому пришлось сворачивать экспедицию и отправляться с караваном обратно.

На пути в Омск путешественнику-разведчику пришлось задержаться по служебным делам в Семипалатинске. И конечно же, он не мог не навестить своего душевного друга, к тому времени получившего разрешение на возвращение из ссылки в Россию. В один из майских дней Валиханов и Достоевский сфотографировались на память: Достоевский в военном мундире, Валиханов — в шинели. Волосы у Чокана, бритые наголо в бытность купцом Алимбаем, еще не успели отрасти. В руках у него кинжалик, подаренный Достоевским на память. По мотивам этого фотоснимка была создана скульптурная композиция (автор — скульптор Д. Г. Элбакидзе). В сентябре 1977 года она была установлена возле здания Семипалатинского литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского.

До глубокой осени Чокан Валиханов напряженно работал над отчетом об кашгарской экспедиции, обрабатывал собранный богатейший материал. А в начале 1860 года был вызван в Петербург, где был встречен с почестями как отважный путешественник и знаток жизни народов Центральной Азии. Государь Александр II с самого начала проявлял большой интерес и к экспедиции Валиханова, и к личности офицера из инородцев, столь блестяще аттестованного Гасфортом. Получив от Гасфорта представление Валиханова к ордену Святой Анны, Александр II счел награду недостаточной и написал карандашом на полях: «Валиханову Владимира». По случаю получения ордена Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени путешественник побывал во дворце. Ему присвоили очередное звание штабс-ротмистра и оставили в столице для продолжения службы: сначала в Генеральном штабе для составления карт Средней Азии и Восточного Туркестана, а с конца мая высочайшим повелением еще и в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

Современники Валиханова — ученые и военные специалисты — высоко оценили труд Чокана Чингисовича Валиханова о Кашгаре. С активным развитием всесторонних связей России со странами Востока работа молодого ученого стала важным справочным пособием для русских государственных и военных деятелей. Ее читали офицеры Генерального штаба, руководители Военного министерства, Министерства иностранных дел, члены Государственного Совета и кабинета министров. Отчет произвел благоприятное впечатление на канцлера и министра иностранных дел А.М. Горчакова и директора Азиатского департамента Е.П. Ковалевского. 4 мая 1860 года Валиханов выступил с докладом о своем путешествии в Кашгар на заседании Русского географического общества.

15-месячное пребывание в Петербурге позволило Валиханову окунуться в гущу общественной жизни, участвовать в составлении карт Средней Азии и Восточного Туркестана и в издании энциклопедии, изучать восточные рукописи, читать лекции по истории Востока. Постоянную поддержку и дружеское расположение оказывал Валиханову вице-президент Русского географического общества П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Дружеские встречи с Ф.М. Достоевским, с поэтами А.Н. Майковым и Я.П. Полонским, критиком Н.Н. Страховым, братьями В.С. и Н.С. Курочкиными составляли фон его жизни в это время. Достоевскому нравилось наблюдать за тем, как действует обаяние его друга-степняка на столичных литераторов в гостинной Майко-

ва, на «пятницах» Полонского; как затянутый в мундир молодой султан гуляет по Невскому — с тростью или с портфелем в руке. Как при поклонах произносит любимое присловье: «Тысяча китайских церемоний!» Как переводит в шутку серьезный разговор: «Перед вечностью все это ничтожно».

А допустимо ли обойти вниманием беседу Валиханова с обер-прокурором Святейшего синода графом Александром Петровичем Толстым! У графа Толстого, человека светского, собиралось не одно лишь духовенство, а чаще самое пестрое общество. Обер-прокурора Синода отнюдь не привлекала идея крещения Степи: мусульманское духовенство было вполне лояльной опорой власти на окраинах России и среди народов Поволжья. Поэтому правительство поддерживало деятельность мулл по исламизации язычников. Валиханов был решительно против такой политики, уничтожающей народные верования казахов (шаманство), их традиционную культуру. Валиханов развивал волнующую его тему исламского засилья — вредящего, по его мнению, подлинному просвещению казахов и киргизов, их социальному, культурному и духовному формированию — в «Записке о судебной реформе» и в статье «О мусульманстве в степи». «Вся степь наводнена полутрамотными муллами из татар и фанатическими выходцами из Средней Азии, выдающими себя за святых... — отмечал Валиханов. — Чтобы понять, в каком духе татарское духовенство воспитывает киргизское юношество, мы приведем один только пример: больше не нужно. В мусульманском населении города Петропавловска возник вопрос: грешно ли играть в карты и если грешно, то в какой степени? Обратились к... мулле, известному по своей глубокой учености. Этот казуист, справившись со своими «темными книгами», объявил, что играть в карты мусульманам между собою — великий грех, но играть с русскими и с намерением обыграть их — дело похвальное, как род джихада, подвига за веру, которое завещал пророк своим последователям в непрременную обязанность». Валиханов утверждал: «И у нас в степи все благодетельные меры правительства, все выгоды новых учреждений не приносят ожидаемых результатов именно вследствие того, что они парализуются возрастающим религиозным изуверством. Киргизы наши теперь более чуждаются русского просвещения и русского братства, чем прежде».

В Петербурге Валиханов написал главные свои работы — «Очерки Джунгарии», «Описание Восточного Туркестана», «Аблай», «Шуна батыр», «Тарихи Рашиди», «Записки о Кокандском ханстве». В них он, как и советовал ему в пророческом письме Достоевский, выступал прежде всего ходатаем за свой народ перед властью. И в том, как критика современных порядков умело вписана у него меж историей и этнографией, чувствуется, что начинающий литератор вполне овладел литературными приемами своего опытного советчика. В композиции «Очерков Джунгарии», в манере изложения материала явно ощутимо подражание «Запискам из Мертвого дома».

Влажный петербургский климат плохо отразился на здоровье страдавшего туберкулезом степного человека. Весной 1861 г. по совету врачей Чокан Валиханов уезжает из столицы в Сырымбет, аул своего отца Чингиса в Кокчетавском округе. Здесь он выставил свою кандидатуру на должность выборного старшего султана, но не прошел как из-за козней местных баев, не доверявших «высочке», так и из-за недоброжелательства нового омского генерал-губернатора А.О. Дюгамеля. О жизни в Сырымбете и своих дальнейших планах Чокан доверительно сообщает в Петербург Достоевскому:

«Января 14, 1862 г., Киргизская степь.

Любезный друг, Федор Михайлович. Ты, верно, полагаешь, что я давно уже умер, а между тем я жив, и доказательством тому может послужить это письмо. Я до сих пор не писал тебе по разным уважительным причинам, которые будут теперь изложены. Во-первых, я сам думал в октябре быть в Петербурге, потом заболел и оставил это намерение до декабря. Так как здоровье мое и в декабре оказалось очень слабым, то я

склонился на совет сибирских докторов зиму провести в степи, а теперь пришел и сам к тому заключению, что с моим здоровьем в Петербурге жить постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить у себя в Орде по выборам. В Кашгаре я бы стал получать хорошее содержание, климат хороший, может быть, здоровье мое поправилось бы. Если это не удастся, и в степи будет недурно. Буду заниматься хозяйством, торговлей, а в случае выбора народа буду честным чиновником и, вероятно, принесу своим родичам более пользы, чем их безграмотные и дикие султаны. Через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями несколько приятных месяцев, запасемся новыми книгами, новыми идеями и опять в Орду, к киргизам. Ведь это будет не совсем дурно, не правда ли, голубчик, Федя?...»

В конце письма идут поклоны — Михаилу Михайловичу, Майкову, Полонскому, Страхову, просьба прислать фотографические карточки и журнал «Время», подписаться для него на журнал «Современник».

К сожалению, не сохранилось писем Федора Михайловича в Орду. А они были — это ясно из ответов Валиханова Достоевскому и Майкову.

15 октября 1862 года Чокан пишет из Кокчетавы последнее (во всяком случае, из дошедших до нас) письмо в Петербург. Оно отличается от прежних, обычно бодрых и жизнерадостных, доходящим до надрыва унынием и пессимизмом:

«...чувствую себя очень плохо как физически, так и нравственно. Во-первых, скука, во-вторых, беспрестанное раздражение от киргизских несообразностей, которые видеть должен каждый час, каждую минуту. Впечатление от всего этого делается тем более невыносимым, что не видишь надежды, вернее луча надежды когда-нибудь освободиться от гнета окружающей пустоты».

Дальше о подлом поведении генерал-губернатора А.О. Дюгамеля: «Оно и правда, что законы у нас на Руси пока еще пишутся не для генералов, известно мне также, что генералы больше любят натуральных киргизов, потому что в них, знаете, больше этой восточной подобострастности... Но при всем том, признаться, я такого пассажа вовсе не ожидал. Каково, мой друг? Ты представь себе положение наше (я говорю о киргизах, воспитавшихся в России). Земляки нас считают отступниками и неверными, потому что, согласись сам, трудно без убеждения из-за одной только политики пять раз в день хвалить бога, а генералы не любят потому, что... мало этой восточной подобострастности. Черт знает, что это такое, хоть в пустыню удаляйся».

Вот настоящая драма одиночества — быть первым, при этом видеть и чувствовать, что среди своего народа, ради которого ты живешь, нет единомышленников. Нет рядом образованных людей из казахов, равных по развитию, близких по убеждениям. На всем огромном пространстве Степи в те годы таких людей единицы...

За год до своей кончины, весной 1864 года, Валиханов был приглашен в экспедицию генерала М.Г. Черняева, в задачу которой входило присоединение к России Южного Казахстана. Он принимал участие в военных действиях против кокандцев при взятии крепости Аулие-Ата (ныне Тараз). После этого похода Чокан выехал в аул старшего султана казахов рода Албан — Тезека, где женился на его сестре. К тому времени здоровье его заметно пошатнулось. И все же в ауле он продолжал заниматься изучением исторических преданий казахов Старшего жуза, интересовался ходом восстания дунган в Западном Китае, поддерживал связи с Петербургом и администрацией Западной Сибири. До самой смерти он числился на службе в Генеральном штабе и по Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел. Но восстановить силы из-за туберкулеза не смог. Валиханов скончался 10 апреля 1865 года, не дожив до тридцати лет, в урочище Кочен-Тоган, недалеко от подножья Алтын-Эмельского хребта. Похоронен в местечке под названием Кошентоган на северном склоне горы Матай. В 1881 году по поручению туркестанского генерал-губернатора К.П. Ка-

уфмана здесь был установлен памятник в виде мраморной плиты. В 1958 году над могилой появился высокий гранитный обелиск.

Чокан Валиханов умер в расцвете сил, не успев воплотить в жизнь и малой доли своих идей и планов. Но то, что дошло до нас из его творческого наследия, представляет огромную ценность, ибо помогает воссоздать историко-культурную политическую картину эпохи, в которой он жил, а также духовное состояние казахского народа — да во многом и всей России — того времени. «В сердце его любовь к своему народу соединялась с русским патриотизмом, — писал друг Чокана по кадетскому корпусу Г.Н. Потанин. — В 60-х годах [XIX столетия] общероссийский патриотизм не отрицал местных областных инородческих, и два патриотизма, общий и частный, легко уживались в одном человеке».

Валиханов лучше других понимал, что народы Средней Азии, войдя в число подданных России, получают надежду на мирное развитие, а в противном случае им грозит все то, что он видел своими глазами в Кашгаре. Сын Степи, Чокан предугадывал будущее своего народа в составе России. Он отрицательно относился, например, к Шамилю — как к деятелю вчерашнего дня, не оценившему «истинного знания», которое может дать кавказцам только Россия. Кстати, его оценка Шамиля не совпадала с отношением к имаму некоторых «прогрессивных» русских: Шамиль, приехавший в Петербург осенью 1859 года незадолго до Валиханова, пользовался там шумным успехом, а как романтическая фигура даже вошел в моду в столичных салонах.

Чокан Валиханов является одним из самых заметных деятелей в истории казахского народа. В современном Казахстане вокруг его имени идет непрестанная идейно-политическая борьба. Находятся националистические деятели, объявляющие Валиханова, вопреки всем фактам, чуть ли не противником сближения с Россией. «Нельзя не упомянуть с досадой о том, что за последние годы некоторые исследователи жизни и деятельности Чокана Валиханова, в особенности писатели... зачем-то пытаются неуместно, неуклюже отгораживать Чокана от Достоевского, словно боясь, что эта связь затемнит облик Чокана, прогрессивного деятеля казахского народа», — пишет Г.Б. Маханова, профессор Международного казахско-турецкого университета им. А. Ясави.

Ф. Достоевский всю жизнь вспоминал о своем юном друге-казахе, оказавшимся рядом с ним в трудную пору его жизни. Не о нем ли он думал, когда начертил в «Дневнике писателя»: «Мы первые объявим миру, что не чрез подавление личностей иноплемennых нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, участь у них...»

